

ЭДГАР БОСАК
г. Мукачево

ВОЕННО-МОРСКАЯ ПРАКТИЧНОСТЬ И АДАПТИВНОСТЬ ДРЕВНИХ РИМЛЯН (НА ПРИМЕРЕ ПУНИЧЕСКИХ ВОЙН)

Статья посвящена феномену рациональности и приспособления, которые были присущи древним римлянам и были залогом их военного успеха. Рассмотрены причины и обстоятельства создания первого военного флота римлян, а также его главные видоизменения в течении Пунических войн (264–146 гг. до н.э.). Акцентировано внимание на главных проблемах формирования и обустройства флота. Обращено внимание на примеры адаптации римлян к различным ситуациям и использования их в свою пользу. Рассмотрено значение главных военно-морских внедрений римлян – квинквирем, «воронов» и «самбук».

Ключевые слова: римляне, Пунические войны, карфагеняне, флот, квинквирема, «ворон».

Статья надійшла до редколегії 10.06.2018

УДК 94(47+51:567)«1958/1961»

КИРИЛЛ КАШТАНОВ

г. Харьков

kirilkashtanov@gmail.com

ИРАК В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ СССР (1958–1961 гг.)

После завершения Суэцкого кризиса Советский Союз пытался закрепить свое влияние на Ближнем Востоке. Во время июльской революции в Ираке и ближневосточного кризиса 1958 г. СССР поддерживал арабских националистов в противовес политике США, Великобритании и Турции. Параллельно с «кризисной дипломатией» хрущевское руководство активно развивало двусторонние контакты с новой властью в республиканском Ираке. Несмотря на быструю и решительную поддержку по дипломатической, военной, финансово-технической и других линиях, которую предоставила Багдаду Москва, вскоре отношения между странами ухудшились, что нашло свое отражение в оценках XXII съезда КПСС в октябре 1961 г.

Ключевые слова: Ближний Восток, Советский Союз, Иракская революция.

Современная война на Ближнем Востоке имеет под собой немало исторических предпосылок. Одна из них кроется в амбициях Кремля в регионе, которые впервые проявились после Второй мировой войны в связи с созданием Государства Израиль. Неудача в налаживании связей с еврейской державой подтолкнула СССР на союз с молодым арабским национализмом, который громко заявил о себе в 1952 г. после свержения короля Фарука в Египте. В 1955 г. в отношении Москвы к арабскому национализму происходит коренной поворот. Из-за создания в феврале того же года Багдадского пакта монархический Ирак разорвал дипломатические отношения с Советским Союзом, которые существовали с сентября 1944 г. В ответ СССР начал поставлять оружие режимам Египта и Сирии.

Во время «горячей фазы» Суэцкого кризиса 1956 г. хрущевское руководство решительно выступило на стороне Каира, пригрозив вторгшимся на египетскую территорию Израилю, Великобритании и Франции ракетно-ядерными ударами в случае продолжения агрессии, что в совокупности с твердой позицией США позволило перевести конфликт в фазу мирного урегулирования. Во время иорданского и сирийского кризисов 1957 г., возникших на волне подъема панарабизма, Кремль неизменно выступал в защиту арабских националистов от возможных акций западных государств, а также местной реакции.

Ближневосточный вектор советской внешней политики является достаточно разработанным в современной историографии. Так, советско-иракские отношения конца

1950-х – начала 1960-х гг. становились объектом изучения таких исследователей, как А. А. Фурсенко [21], Е. М. Примаков [16], А. В. Васильев [3], М. А. Уразов [20] и др. Свои диссертационные работы указанной проблематике посвятили А. С. Кхудейда [9] и И. Х. Миняжетдинов [10]. Однако далеко не все аспекты сотрудничества Москвы и Багдада были раскрыты в полной мере. Заполнить некоторые пробелы в связях между Ираком и СССР призвана эта статья.

Цель статьи состоит в анализе политики Советского Союза относительно Ирака с начала революции 14 июля 1958 г., возобновившей и кардинально упрочившей взаимодействие между двумя державами, до XXII съезда КПСС (октябрь 1961 г.), зафиксировавшего явное ухудшение советско-иракских отношений.

Феномен арабского национализма, взявшего власть в Каире в 1952 г., вышел за рамки Египта в начале 1958 г. 1 февраля 1958 г. была провозглашена Объединенная Арабская Республика, что на деле означало фактическую инкорпорацию Сирии в состав более сильного Египта. 21 февраля 1958 г. в этих двух странах состоялся референдум о создании ОАР, закончившийся вполне предсказуемо. На следующий день новое государство признал СССР, а вслед за ним (25 февраля) – и США. Главой нового образования стал египетский президент Гамаль Абдель Насер, который не скрывал своего намерения объединить под своей властью всех арабов. 8 марта к федерации присоединилось Йеменское Мутаваккилийское Королевство, образовав конфедерацию Объединённые Арабские Государства. Таким образом, вопрос арабской интеграции под эгидой Насера выходил на передний план политической повестки Ближнего Востока.

В начале июля 1958 г. Моссад получил информацию о планах Насера свергнуть режим короля Хусейна в Иордании. Израильцы не через британское посольство просили передать это монарху в Амман. Центральной фигурой заговора являлся полковник иорданской армии М. Русай, связанный с главой сирийской разведки А. Х. Сарраджем. Покушение планировалось примерно на середину месяца. Разведданные попали к королю Ху-

сейну и в Ирак. Правительство последнего отправило на помощь монарху генерала Р. Арифа с 20-й пехотной бригадой для борьбы с возможными повстанцами и удержания власти [18, 173].

Однако военные, посланные в Амман, подняли бунт и повернули на Багдад. Утром 14 июля иракская монархия пала. Нараставшие внутри страны противоречия между националистами в лице военных (арабского «среднего класса» – эффенди [25]) и старой королевской властью выплеснулись на поверхность по сценарию куда более кровавому, нежели египетский. Королевская семья была убита, на следующий день погиб и премьер-министр Нури Саид. Как некогда в Каире, власть в стране перешла к «свободным офицерам» восставших армейских частей, провозгласивших республику.

По точному замечанию исследователя И. Х. Миняжетдинова, Москва, рассматривая антибританское национальное движение в Ираке как важнейший инструмент подрыва позиций Лондона в региональном масштабе, стремилась не только к его поддержке, но и в определенной степени контроля над ним. В 1940-е гг. усилия СССР, который довольно плотно контролировал процесс формирования Иракской Коммунистической партии (ИКП), увенчались успехом. К 1950-м гг. она стала довольно влиятельной политической силой, сыграв важную роль в организации июльской революции 1958 г. Поэтому представители ИКП впервые в иракской истории получили посты в различных институтах власти. Советские спецслужбы развивала тайные отношения и с лидерами иракской национально-патриотической группировки (в частности, «группой Ахали»), которые нередко занимали важные государственные посты (например, Абу Ат-Тимман и Камиль Аль-Чадарчи). Именно закулисный союз Москвы с иракскими националистами (прежде всего, с Национально-демократической партией), которые при поддержке СССР намеревались ликвидировать английское влияние в Ираке, привел в конечном итоге к военнореволюционному перевороту 1958 г., в результате которого изменилась внешнеполитическая ориентация Багдада [10]. Советский

Союз из разряда недружественных стран перешел в число важнейших внешнеполитических партнеров Ирака на международной арене.

Как известно, Иракская революция стала решающим стимулом для отправки американских войск в Ливан (от 14 до 20 тыс. морских пехотинцев) с целью демонстрации решимости защищать своих партнеров перед внешними вызовами и угрозами. С другой стороны, Великобритания для поддержки режима короля Хусейна, которому также угрожали националистические силы, поэтапно перебросила в Иорданию воздушный десант в 6 тыс. человек. Столь скорая и скоординированная реакция западных союзников стала возможной благодаря предварительной совместной наработке планов интервенции в эти две страны осенью 1957 г. в рамках американо-британской «сирийской рабочей группы» [26, с. 55–56]. Такие решительные действия Вашингтона и Лондона всерьез обеспокоили мировое сообщество, особенно арабский мир и социалистический лагерь.

Во время ближневосточного кризиса лета 1958 г. первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев считал вероятность западного вмешательства намного большей, нежели в ситуации вокруг Сирии осени 1957 г. Узнав об опечатке иракскими революционерами штаб-квартиры Багдадского пакта, в Кремле сразу прониклись симпатией к заговорщикам. Для недопущения иностранной интервенции в революционный Ирак, Н. С. Хрущев отдал приказ об организации крупномасштабных маневров Советской армии на границе с Турцией и Ираном (Туркестанском и Закавказском военном округе с участием Черноморского флота); началась демонстративная переброска армейских подразделений из глубины страны. 17 июля о старте маневров официально сообщили советские СМИ. К учениям, продолжавшимся до 4 августа, было решено привлечь также и союзную по ОВД Народную Республику Болгарию. Болгарская армия тоже стала разворачиваться вблизи турецкой границы; в эту страну была отправлена советская авиация дальнего действия [3, 265–267].

В обращении к руководству США Н. С. Хрущев напомнил о всех имеющихся в

СССР средствах поражения, в т. ч. баллистических ракетах с ядерными и термоядерными зарядами. Это было сигналом Вашингтону о недопустимости вторжения в революционный Ирак. Тем самым Москва разграничивала «сферы влияния» в регионе: Иордания с Ливаном по-прежнему признавались «клиентами» США и Великобритании, где они имели полную свободу действий, однако Ирак в этот список уже не попадал. Новому багдадскому руководству предстояло самостоятельно выбирать свою будущую внешнеполитическую ориентацию [17, 101–106].

Помимо официального заявления советского правительства по поводу «Агрессии США и Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке», 19 июля Москва предложила Д. Эйзенхауэру, Г. Макмиллану, Ш. де Голлю и Дж. Неру встретиться в Женеве на совещании по Ближнему Востоку для выработки мер с целью урегулирования ситуации. Как и ожидал Н. С. Хрущев, западные государства отвергли такой формат взаимодействия. Аналогичной была реакция Насера, который не хотел, чтобы за него решали другие. Москва расценивала высадку американцев и англичан в Бейруте и Аммане как подготовку удара по Ираку и ОАР. Египетскому президенту еще во время его тайного экстренного визита в Москву из Югославии 17 июля в связи с ближневосточными событиями советский лидер заявил, что СССР не вмешается в события, но снова проведет маневры на болгаро-турецкой границе, Закавказье и в Средней Азии.

Входивший в состав делегации египетский маршал А. Х. Амер просил о скорейшем признании нового режима в Багдаде странами соцлагеря, что и было осуществлено 18 июля [21, 160–161]. Н. С. Хрущев явно пытался извлечь выгоду для укрепления своих позиций. Кроме того, по дипломатическим и разведывательным каналам американскому руководству было донесено, что Москва не потерпит интервенции в Ирак; сообщалось, что в подобном случае возникала угроза новой мировой войны. Однако реальные возможности вмешаться у Советского Союза были крайне ограничены, и посему главные усилия по противодействию военным мероприятиям США и Великобритании сосредоточились в основном

на пропагандистском изобличении «агрессивных действий» западных держав.

Посол Великобритании в СССР Патрик Рейли предлагал задействовать Москву в урегулировании ситуации, но Д. Эйзенхауэр взамен Женевского совещания предложил провести встречу в Совете Безопасности ООН на уровне глав государств. Н. С. Хрущев предложение сначала принял, но 5 августа отверг. Ведь республиканский Ирак был уже признан западными державами, и угроза интервенции уменьшилась практически до нуля. Т. е. главная задача советской политики была выполнена: Ирак вышел из орбиты влияния Великобритании и пока что не собирался входить в сферу влияния США. Тем более такая встреча могла привлечь излишнее внимание к новому режиму, что было невыгодно в свете пребывания иностранных войск в Аммане и Бейруте. Вместо СБ ООН Москва предложила созвать Генеральную Ассамблею, что было выгодно и Соединенным Штатам, желавшим искать выход из ситуации совместно с мировым сообществом. Кремль отправил на нее министра иностранных дел А. А. Громыко. Н. С. Хрущев действительно опасался внешнего вмешательства и часто сравнивал события лета 1958 г. с Суэцким кризисом, считая победой СССР недопущение чьего-либо нападения на Ирак или ОАР [22, 265–267].

В то же время Советский Союз поспешил наладить военные контакты с новым правительством генерала Абдель Керим Касема. 26 июля состоялось экстренное заседание Президиума ЦК КПСС, обсудившее план военной помощи Ираку в течение ближайших двух месяцев. Планировалось вооружить две иракские пехотные дивизии, отправив 50 БТР, 100 танков, запчасти, боекомплекты по 3–5 запасов и пр. Инициативу на пленуме ЦК КПСС одобрили, обратившись за помощью к Насеру для транспортировки через сирийский порт Латакию. Но среди иракского руководства существовали разногласия о целесообразности приобретения оружия у СССР, что могло вызвать раздражение США. В итоге решили повернуть дело так, что поставки якобы осуществлял Египет из своих запасов [21, 166].

Однако А. Касем изъявлял желание и напрямую обсуждать этот вопрос с Москвой, из-

за чего возникли разногласия с лидером ОАР (последний в начале августа не захотел передавать иракцам 60 танков). Иракский лидер встретился с советским послом и просил развить со своей страной такие же связи, как с Египтом и Сирией. А для начала советовал Москве приобрести финики (ибо ничего другого предложить не мог). Но Москву интересовала не экономическая выгода. С поразительной быстротой президиум ЦК КПСС утвердил поставки оружия Багдаду [21, 167]. На основании постановления Совета Министров СССР № 1088 от 25 сентября 1958 г. в Ирак были направлены советские военные советники и специалисты, а также стало поступать вооружение, за которое иракцы расплачивались валютой [15, 325–326].

Такой ход событий оказался неожиданным для Насера. Благодаря усилению собственных позиций, а также возникновению естественного конкурента в лице нового иракского руководства, он резко усилил панарабистскую националистическую риторику, в том числе ее антикоммунистическую направленность. За всплеском пропаганды последовали и конкретные политические акции, направленные против коммунистов внутри ОАР и советского влияния извне. Это, естественно, привело к охлаждению отношений с Москвой, выразившееся в довольно жесткой дипломатической и пропагандистской полемике. Параллельно прекратилось ухудшение американско-египетских отношений [1, 155–156, 201].

После начала преследований коммунистов в сирийском районе ОАР советское посольство в Ираке (открывшееся 31 июля 1958 г.) заявило, что «центр национально-освободительного движения арабов перебравшись в Багдад» [27, 404]. На неофициальном уровне в беседе с иракской делегацией 25 февраля 1959 г. первый заместитель председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян подчеркивал, что «мы не навязываем своего экономического сотрудничества и не преследуем каких-либо корыстных интересов в отношении Ирака. Мы не заримся на чужие богатства. Нефтью мы сами богаты. Мы не ищем прибылей или сфер приложения капиталов... Наше желание сводится к тому, чтобы искренне помочь вам» [6, 2–3].

Ближневосточная тематика находилась в фокусе внимания внеочередного XXI съезда (27 января – 5 февраля 1959 г.). В отличие от предыдущих съездов, на сей раз, кроме Коммунистической партии Сирии и Ливана (разделившейся накануне на две самостоятельные фракции), а также Компартии Израиля, были приглашены «братские» партии Ирака и Иордании. В докладах советских руководителей и представителей зарубежных компартий получили одобрение ближневосточные события последних лет – отражение Египтом тройственной агрессии во время Суэцкого кризиса 1956 г., а Сирией – американо-турецкого давления 1957 г.; Иракская революция 14 июля 1958 г., свергнувшая монархию и установившая республиканский режим в стране и т. д. Они характеризовались как крупные победы национально-освободительного движения над «американо-англо-французским империализмом» [4, 78–81, 339–341, 396, 399–402; 5, 29–33, 58–61, 292–294, 349–352, 426].

В связи с ухудшением отношений СССР с ОАР политика президента Насера («огульно охаивавшего идеи коммунизма» и обвинявшего арабских коммунистов в действиях по указке Москвы [6, 157]) поддавалась резкой критике. В противовес ему ставился курс нового правителя Ирака А. Касема, на которого Москва в то время, очевидно, решила сделать главную ставку в качестве возможной альтернативы египетскому лидеру на Ближнем Востоке [4, 79, 340–341; 5, 50–51, 59–60, 294].

Одновременно Москва налаживала контакты с новым иракским руководством: после переворота 14 июля 1958 г. эта арабская страна была зачислена в ряд «братских» и «революционных» со всей вытекающей военно-технической и финансово-экономической помощью со стороны СССР [6, 1–4; 7, 67, 87–92; 8, 145]. Сотрудничество с новым иракским режимом развивалось стремительно. Уже в феврале 1959 г. в Москву прибыла правительственная делегация Иракской Республики во главе с министром экономики Ибрагимом Куббой. Состоялись переговоры с А. И. Микояном по поводу предоставления Багдаду широкой технической и экономической помощи. Делегация запрашивала сове-

тов по многим пунктам, в частности, проведения земельной реформы, ускоренной индустриализации и решения социальных вопросов, другими словами – «подведения под революцию прочной социально-экономической базы». В свою очередь, Москва обещала «по-братски» и «от всей души» оказать иракцам всемерную помощь [6, 1–4].

В результате переговоров в марте 1959 г. было подписано важное соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве между СССР и Ираком. В том же году по секретной межправительственной договоренности советские военные специалисты, откомандированные в Междуречье еще осенью 1958 г., продолжили свою работу в иракской армии [9]. Тогда же были заключены соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве, соглашение по военным вопросам, по культурному сотрудничеству, а также Соглашение об использовании атомной энергии в мирных целях [7, 87]. Так, подписанное 5 мая 1959 г. соглашение о культурном сотрудничестве было ратифицировано Ираком 28 июня того же года, а Советским Союзом – 16 октября. 20 апреля 1960 г. стороны подписали План мероприятий по культурному сотрудничеству [11, 145]. В Багдаде были явно довольны работой советских специалистов (присылаемых в расчете на 2–3 года для обучения местного персонала), отмечая их большую пользу в сравнении с западными коллегами. Кроме того, в советские вузы направлялись для подготовки иракские студенты (300 человек согласно договору о культурном сотрудничестве). Арабов привлекала дешевизна учебы в институтах и университетах Советского Союза с якобы более высоким качеством, нежели в Соединенных Штатах [7, 88–92]. 22 ноября 1959 г. в Багдаде было подписано советско-иракское соглашение об оказании Ираку технического содействия в строительстве и реконструкции объектов оборонной промышленности [2, 145].

Кроме помощи официальным багдадским властям, СССР также оказывал содействие курдскому национальному меньшинству в Ираке. Вообще Москва стимулировала курдское национально-освободительное движение

еще с 1940-х гг [10]. Так, с конца 1940-х гг. советские спецслужбы тренировали отряды во главе с Мустафой Барзани для подрывной деятельности против прозападных режимов в Иране и Турции [15, 348–349; 19]. При содействии Кремля в 1946 г. была создана Демократическая партия Курдистана. После прихода к власти в Ираке в июле 1958 г. генерала А. Касема страна была объявлена государством арабов и курдов. 7 октября 1958 г. М. Барзани прилетел в Ирак – его в багдадском аэродроме у трапа самолета встретил лично А. Касем. А 17 апреля 1959 г. 470 барзанцев вернулись в Ирак на борту советского теплохода «Грузия» [13]. Всего же из Советского Союза было отправлено 460 мужчин, 108 женщин и 225 детей (по другим данным – сообщению телеграфного агентства ОАР «МАН», в Басру 16 апреля 1959 г. на советском судне прибыло 855 вооруженных курдов. Кроме этого, в трюмах судна находился груз оружия и боеприпасов, предназначенных для Ирака [15, 350]).

Вернувшись в Ирак, М. Барзани взял в свои руки реальное руководство Демократической партией Курдистана и стал одним из ключевых иракских политиков. Он вступил с ним в политический союз с А. Касемом и долгое время оказывал ему поддержку. Однако иракский премьер-министр не только отказывался предоставить курдам автономию, как того требовала программа ДПК, но со временем начал проводить все более шовинистическую политику, что обернулось кампанией арабизации в Курдистане. Дошло до того, что было запрещено официальное употребление топонима «Курдистан» (вместо него следовало говорить «Северный Ирак»), и даже сорт «курдистанской» пшеницы приказом министра сельского хозяйства был переименован в «северную пшеницу» [14]. В ноябре 1960 г. М. Барзани под предлогом участия в «октябрьских» торжествах посетил Москву, где провел длительные переговоры с советским руководством, касавшиеся, в первую очередь, возможностей и путей снабжения курдов оружием в случае их восстания против режима. Эти переговоры стали причиной окончательного официального разрыва А. Касема с М. Барзани.

Весной 1961 г. иракское правительство запретило газету «Хабат», журналы «Хетаб», «Жин» и «Данге курд» [13]. Летом 1961 г. ДПК сумела установить свою политическую монополию в Курдистане, а среди курдских племен началось сильное движение, направленное против багдадского правительства. М. Барзани несколько раз предлагали начать вооруженное восстание (в том числе лидер молодежной организации ДПК Джалал Барзани), но он считал, что время для этого еще не пришло. Тем временем А. Касем сосредоточил у границ Курдистана значительные силы, которые 11 сентября начали вторжение вглубь страны, сопровождавшееся воздушными бомбардировками [12]. После массового обстрела Барзанского района началась Вторая курдо-иракская война. М. Барзани, под руководством которого в тот момент находился отряд в 600 человек, провозгласил всеобщую добровольную мобилизацию во имя защиты Курдистана [13].

Официально Москва не вмешивалась во внутрисударственный конфликт, но, сотрудничая, в том числе и в военной области, с правительством А. Касема, была вынуждена не препятствовать силовым акциям против повстанцев. Курды населяли главным образом труднодоступные горные районы на севере страны. Поэтому основным методом борьбы с ними было нанесение массированных ударов с воздуха. Проводились они силами иракских ВВС, укомплектованных самолетами советского производства [15, 350].

В целом же позиция Советского Союза в период рубежа 1950–1960-х гг. по отношению к курдской проблеме была неоднозначной, колеблясь в зависимости от отношений с Ираком. Курдская проблема для СССР тогда не являлась приоритетной. Ее разрешение Кремль видел не в качестве одной из внешнеполитических задач, а исходя из своих военнополитических интересов в ближневосточном регионе в целом [9]. Очевидно, Москва попросту не хотела терять приобретенные после 1958 г. позиции в стране, и посему на многие нелицеприятные вещи закрывала глаза.

Из-за начавшихся репрессий «революционного режима» против все более становившихся популярными коммунистов и курдов,

политика Багдада стала вызывать разочарование у кремлевского руководства [21, 172–185]. Н. С. Хрущев позже жаловался, что он посылал А. Касему оружие «безо всякого договора», надеясь, что «революция будет развиваться по прогрессивному пути», а тот оказался человеком с «диктаторскими замашками» [21, 180]. А ведь известное время, на рубеже 1950-х – 1960-х гг., в планах кремлевского руководства А. Касем был вероятной альтернативой Насеру в качестве как внешнеполитической опоры Москвы в регионе, так и лидера арабского мира [16, 77–78]. В беседах с советскими дипломатами сами иракские представители заявляли, что генерал в погоне за властью и славой начал гонения на своих бывших соратников, узурпировал правление, что привело к ухудшению экономической ситуации в стране. Но на официальном уровне советские эксперты по-прежнему считали целесообразным не обострять отношений с премьер-министром, а «спокойно и дружески» обсуждать с ним существующие проблемы [21, 181].

Исходя из этой установки, на открывшуюся 10 апреля 1960 г. советскую промышленную выставку в Багдаде отправили главного кремлевского переговорщика, опытного дипломата А. И. Микояна с целью «образовать» иракского премьер-министра. Несмотря на порой весьма горячие дебаты, вспыхивавшие между советским представителем и А. Касемом, добиться взаимопонимания не удалось. Иракский диктатор с ходу отбрасывал советские обвинения в плохом обращении с коммунистами, парируя, что это внутреннее дело Ирака. Репрессии против компартии продолжались, равно как и конфронтация с Насером. Сгладить конфликт не помогло даже информирование багдадского лидера о готовящихся против него покушениях со стороны оппозиционных сил при поддержке западных спецслужб [21, 181–184].

В силу этого на XXII съезде (17–31 октября 1961 г.) риторика относительно иракского диктатора претерпела существенные изменения – основной упор делался на критику его политики; она оценивалась уже как реакционная, антидемократическая и антикоммунистическая. В то же время, хотя и давалась

умеренно-положительная оценка произошедшему накануне распаду ОАР, филиппики против Насера практически сошли на нет [23, 38, 47; 24, 81–86, 110, 132–135, 265–267, 365–366]. По-видимому, учитывая неудачу создания союза с Ираком, советское руководство пыталось восстановить прежние отношения с Египтом.

Таким образом, в течении 1958–1961 гг. советско-иракские отношения пережили определенную эволюцию. Сразу после свержения прозападной Хашимитской монархии в июле 1958 г. СССР признал новую республиканскую власть, в сжатые сроки предоставив ей дипломатическую, военную и финансово-техническую помощь. Столь быстрые и решительные шаги хрущевского руководства объясняются его желанием скорейшего развала Багдадского пакта, а также наработанным опытом наведения мостов с националистическими режимами Египта и Сирии. Но вскоре, с усилением репрессивной политики правительства А. Касема против иракских коммунистов и курдов, в Москве начинали звучать все более критические выпады в адрес Багдада.

Список использованных источников

1. Ближневосточный конфликт. Из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967 : в 2-х т. / Отв. ред. В. В. Наумкин. – М. : МФД, 2003. Т. 2 (1957–1967). – 704 с.
2. Быстрова И. В. ВПК СССР на международной арене // Отечественная история. 2006. № 3. С. 139–152.
3. Васильев А. М. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М. : Наука, Изд. фирма «Вост. лит.», 1993. – 400 с.
4. Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза (27 января – 5 февраля 1959 года) / Стенографический отчет [в 2-х т.]. М. : Госполитиздат, 1959. Т. 1 (стенограммы 1–10 заседаний). – 592 с.
5. Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза (27 января – 5 февраля 1959 года) / Стенографический отчет [в 2-х т.]. М. : Госполитиздат, 1959. Т. 2 (стенограммы 11–17 заседаний, резолюции, постановления и приложения). – 616 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 98с. Д. 780.
7. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 98с. Д. 781.
8. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 98с. Д. 782.
9. Кхудейда А. С. Советско-иракские отношения и позиции СССР по курдской проблеме в 1958–1991 гг. : автореф. дисс... канд. истор. наук / (URL: <http://cheloveknauka.com/sovetsko-irakskie-otnosheniya-i-pozitsii-sssr-po-kurdskoy-probleme-v-1958-1991-gg>)
10. Миняжетдинов И. Х. История становления совет-

- ско-иракских отношений в 1920-1958 гг. : автореф. дисс... канд. истор. наук / (URL: <http://cheloveknauka.com/istoriya-stanovleniya-sovetsko-irakskih-otnosheniy-v-1920-1958-gg>)
11. Мосаки Н. З. Межбиблиотечное сотрудничество и книгообмен в культурной политике СССР в Ираке // Вопросы истории. – 2016. – № 3. – С. 144-150.
 12. Мустафа Барзани – историко-биографическая справка / (Pukmedia: сайт. URL: http://www.pukmedia.com/EN/RU_Direje.aspx?jimore=3372)
 13. Мустафа Барзани / (Курды и Курдистан: культурно-просветительный портал: сайт. URL: <http://www.kurdistan.com.ua/barzani-001>)
 14. Мустафа Барзани – человек-легенда / (KURDISTAN.RU: сайт. URL: https://kurdistan.ru/2011/02/28/articles-9257_Mustafa_Barzani.html)
 15. Окорочков А. В. Секретные войны Советского Союза. Первая полная энциклопедия. – М. : Яуза, Эксмо, 2008. – 736 с.
 16. Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток: на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – М. : Российская газета, 2012. – 384 с.
 17. Румянцев В. П. Нефтяной фактор в ближневосточной политике США (1957-1959 гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 322. – С. 101-106.
 18. Румянцев В. П. Политика США и Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке : дисс... док. истор. наук. Томск, 2011.
 19. Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930-1950 годы. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 1997. – 142 с.
 20. Уразов М. А. Иракская революция 1958 года и ближневосточная политика Вашингтона // США и Канада: Экономика, политика, культура. – 2009. – № 2. – С. 90-107.
 21. Фурсенко А. А. Россия и международные кризисы середины XX века. – М. : Наука, 2006. – 547 с.
 22. Хрущев С. Н. Рождение сверхдержавы. Книга об отце. – М. : Время, 2003. – 668 с.
 23. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза (17-31 октября 1961 года) / Стенографический отчет [в 3-х т.]. – М. : Госполитиздат, 1962. Т. 1 (стенограммы 1-10 заседаний). – 608 с.
 24. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза (17-31 октября 1961 года) / Стенографический отчет [в 3-х т.]. – М. : Госполитиздат, 1962. Т. 2 (стенограммы 11-20 заседаний). – 608 с.
 25. Eppel M. The Elite, the Effendiyya, and the Growth of Nationalism and Pan-Arabism in Hashemite Iraq, 1921-1958 // International Journal of Middle East Studies. Vol. 30. No. 2 (May, 1998). P. 227-250.
 26. Pearson I. The Syrian Crisis of 1957, the Anglo-American «Special Relationship», and the 1958 Landings in Jordan and Lebanon // Middle Eastern Studies, Vol. 43. No. 1 (Jan., 2007). P. 45-64.
 27. Popp R. Accommodating to a working relationship: Arab Nationalism and US Cold War policies in the Middle East, 1958-60 // Cold War History. Vol. 10. No. 3. August 2010. P. 397-427.

KYRYLO KASHANOV
Kharkiv

IRAQ IN THE MIDDLE EAST POLICY OF THE USSR (1958-1961)

After the completion of the Suez crisis, the Soviet Union tried to consolidate its influence in the Middle East. During the July revolution in Iraq and the Middle East crisis of 1958, USSR supported Arab nationalists as opposed to politics the United States, United Kingdom and Turkey. Along with the «crisis diplomacy», the Khrushchev leadership actively developed bilateral contacts with the new government in Republican Iraq. In spite of the rapid and decisive support of the diplomatic, military, financial, technical and other lines provided to Baghdad by Moscow, relations between the countries deteriorated soon, was reflected at estimates of the XXII Congress of the CPSU in October, 1961.

Key words: Middle East, Soviet Union, Iraqi Revolution.

КИРИЛО КАШТАНОВ
м. Харків

ИРАК У БЛИЗЬКОСХІДНІЙ ПОЛІТИЦІ СРСР (1958-1961 рр.)

Після завершення Суецької кризи Радянський Союз намагався закріпити свій вплив на Близькому Сході. Під час липневої революції в Іраку та близькосхідної кризи 1958 р. СРСР підтримував арабських націоналістів на противагу політиці США, Великої Британії і Туреччини. Паралельно із «кризовою дипломатією» хрущовське керівництво активно розвивало двосторонні контакти із новою владою у республіканському Іраку. Незважаючи на швидку й рішучу підтримку по дипломатичній, військовій, фінансово-технічній та інших лініях, що надала Багдаду Москва, незабаром відносини між країнами погіршилися, що знайшло своє відображення в оцінках XXII з'їзду КПРС у жовтні 1961 р.

Ключові слова: Близький Схід, Радянський Союз, Іракська революція.

Стаття надійшла до редколегії 10.06.2018.